

Буров А. В.

ДВЕНАДЦАТЬ ПИСЕМ

Я долго думал, с какого эпизода начать рассказ об этом человеке. Может, с того, как Дмитрий Оскаленко дрался против семи фашистских самолетов? Или как он отметил День авиации 18 августа 1941 года, когда сбил три немецких самолета? Впрочем, не менее интересны его ночные бои...

А что, если рассказать о Дмитрие Оскаленко не языком боевых эпизодов, а его собственными словами?

То, что писал Оскаленко, вовсе не предназначалось для опубликования. Это его письма жене. Всего их двенадцать. Первое датировано 20 июля 1941-го, последнее – 21 сентября 1942 года.

Вот выдержки из этих писем:

Письмо первое

Не удивляйся этому письму и тому месту, откуда я пишу. Ведь это неизбежно на войне.

Да, не сбылись наши мечты провести следующий вечер вместе. Через три часа после нашего расставания моя машина была подбита, я кое-как дотянул до линии фронта и приземлился на огородике, где, к великой радости, были наши. Сейчас чувствую себя хорошо, а как чувствовал тогда – не помню. Небольшой осколок повредил мне нос и лоб: придется полечить.

Письмо второе

Знаешь, Нина, сегодня бесчисленное множество посетителей совершенно меня расстроило. Хорошо быть здоровым, знать, что ты можешь выполнить любое дело, любое задание. И как плохо лежать больным. Жду не дождусь, когда выпишусь и снова в бой.

Мое состояние хорошее, в общем, все как надо. Скоро опять буду драться.

Письмо третье

Я на старом месте. Снова влился в настоящую авиационную жизнь, немножко подлетнул, как говорится, душу отвел. Тянет меня в бой. Скорее бы!

Ниночка, пиши, как живешь.

Привет от Яши и Лешки. Они здорово дерутся.

Письмо четвертое

Получил твоё письмо от 14 марта. Как я был рад! В эту же ночь летал первый на штурмовку, заставил замолчать одну зенитку и потом работали беспрепятственно. От хорошего настроения зависит и успех в работе.

Оставайся жива, здорова.

Письмо пятое

На днях я получил твое письмо и очень был рад ему, как и всякой твоей весточке. ...Ты пишешь насчет леса, где по пояс лазаешь по снегу, валишь деревья.

Слушай, а насчет жизни где-нибудь в лесу, то ты в точности узнала мои мысли, мои мечты; я в нем родился и в нем вырос, но несколько лет назад уехал из своих родных лесных краев и, признаться, начал понемногу отвыкать от той жизни. Но вот твое напоминание о лесе, твое согласие следовать за мной всюду тронули меня. Мне как-то снова жизнь показалась такой хорошей, как-то по-другому я ее понял и полюбил. И сейчас буду всеми силами и средствами драться за каждую минуту жизни. Но не только своей.

Письмо шестое

Ниночка, ты не знаешь характера нашей семьи. Мы много говорить не можем. Никто – ни брат, ни старик.

Мы встречали на своем пути много всяких людей. Есть среди них такие, которые говорят много нежных слов, обо всем рассказывают, внешне откровенничают. Я так не могу. Признаться, я против таких людей, я их нисколько не уважаю и не слушаю. У таких людей все получается на словах, а в душе пусто.

А я люблю людей крепких, неболтливых, с серьезным умом и чистым сердцем. Что уж сказал, так сделал. Такие люди по мне. Вот что я люблю в своих ребятах – так умение быть хозяевами своего слова. С такими людьми хоть куда – на бой и на подвиг.

Письмо седьмое

Работать приходится день и ночь; ночью самому, а днем вывозить молодежь, чтобы быстрее могли вместе со "стариками" бить фашистов.

Вот так и живем здесь. А здесь ни разу не выспаться, комары загрызли. Их тучи летают. Надоедливые, как "мессершмитты". А той ночью, когда я тебе писал письмо, все говорят, что я здорово отличился.

Письмо восьмое

Нового чего-либо в моей жизни нет, да и писать о себе лично – это последнее дело. Вот собираюсь все время съездить на рентген, что-то уж слишком болит в правом боку. А в общем – ничего не будет. Знаешь, мне как-то совестно болеть. Как вылетишь в бой – все болезни проходят разом.

Сегодня Мациевич получил от Ваньки Автухова письмо – патриотическое, с большим стихотворением, посвященным мне. Вот чудак! Придется отругать его как следует. Подумаешь, писатель, только меня заставляет краснеть.

Письмо девятое

Жив, здоров, и вообще все в порядке. Третьего числа еще подрался и еще увеличил счет на одного стервятника. Приходится тяжеловато, потому что вожу молодежь, а учить ее драться не так-то легко. Сегодня пока спокойно. Наверное, будем работать ночью, потому что слишком ясная погода.

Я много и часто думаю о жизни. Хороша жизнь! Из-за того мы воюем, чтобы жить. Но у нас есть любовь, преданность Родине. И ради Родины мы готовы на все, даже на смерть. Не думай, что это сказано для красного словца. Нет, Нина. Так поступит любой из нас. Когда это потребуется.

Письмо десятое

Пишу тебе после очень жаркого для нас дня. Вот уже темнеет, писать почти невозможно, да и для ночки работа предстоит.

День прошел в жестоких боях, одного парнишку потерял на глазах, сам зверски устал, четыре часа дрался, шею натер – не повернуть. Но немцам изрядно надавали.

Свой счет сбитых увеличил еще на один.

Письмо одиннадцатое

Вчера, почти в это время, я написал тебе одно письмо, сейчас решил продолжить, так как тогда меня прервали. За прошедший день произошли

кое-какие события, из-за которых пришлось немного пережить. Думали уже все, что не стало Гришина, но его спас друг – белый купол. Только пришлось бедняге выкупаться. А так все прошло более или менее благополучно.

Письмо двенадцатое

Только что получил от тебя письмо. Слушай, ну как тебе не совестно упрекать меня: "Или ты мне не хочешь писать". Поверь, что два дня назад я написал сразу же письмо, хотя времени почти не было. Молодежь возил ночью, вводил в строй. Толковые ребята. Хорошие будут помощники в боях. Сегодня как-то скучновато. Поужинали, пропели кое-какие песни, и все разбежались. Остался комиссар Ионыч. Поговорили по душам. Я подсчитал свои дела: ни много ни мало, а четырнадцать фашистов я срубил, причем троих ночью. И все же мало. Надо больше, без счета. Ненавижу я их, а поэтому и рука моя так страшна для врага, поэтому я и недоволен тем, что достиг в бою. До тех пор, пока я жив, буду без усталости бить ненавистных врагов.

Через пять дней после этого Дмитрий Оскаленко погиб. Ему было тогда двадцать два года.

Каждый раз, когда мне доводилось приезжать в полк, где служил Оскаленко, я старался обязательно побывать в эскадрилье, которой он

командовал. Ведь она продолжала считаться его эскадрильей, – ей присвоили имя Героя Советского Союза Дмитрия Оскаленко.

Буров, А. В. Двенадцать писем / А. В. Буров // Твои Герои, Ленинград / А. В. Буров – 2-е издание, дополненное. – Ленинград, 1970. – С. 224–227.